

Спіс цытаваных крыніц

1. Ласкоў, М. А. Адкуль пайшла беларуская мова / М. А. Ласкоў. — Мінск : Беларус. энцыкл., 2003. — С. 156.
2. Затулін, К. С. Саюзная дзяржава на постсавецкай прасторы / К. С. Затулін // Садружнасць. — 2001. — № 6 (39). — 27 чэрв. — С. 34.
3. Версіі: ці патрэбна беларусам беларуская мова? // Белгазета. — 2001. — 25 чэрв. — С. 26.

УДК 94(470)(476)“1917”

Н. Е. Семенчик

Учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет», Минск

ДОСТИЖЕНИЯ И УТРАТЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БЕЛАРУСИ

События Февральской революции 1917 г. в Беларуси с разной степенью объективности и полноты освещены в трудах ее современников (Б. Бреслав, А. Бурбис, Д. Жилунович, В. Кнорин и др.) и отечественных партийно-советских историков (В. Ивашин, И. Игнатенко, В. Кругалевич, Н. Сташкевич и др.). Как правило, в центре их внимания находилась тема борьбы большевиков за власть. В значительно меньшей степени в работах представлены процесс формирования новой политической системы, позитивная деятельность в этом органов Временного правительства и политических партий, отношение населения к Учредительному собранию и многое другое, что не вписывалось в ленинскую концепцию социалистической революции. Между тем специальное рассмотрение этих аспектов позволит выяснить значимость Февральской революции для Беларуси с момента крушения самодержавия и до Октябрьского переворота.

Победа вооруженного восстания в Петрограде 27 февраля 1917 г. привела к крушению авторитарной системы в Российской империи. В числе последних актов царствования Николая II стал его Указ от 2 марта о формировании нового кабинета министров во главе с Г. Е. Львовым. Данный властный орган, вобравший в себя высшие законодательные и исполнительские функции, был рассчитан на определенный срок, отсюда и его название — Временное правительство. Его министры видели свое предназначение не только в решении неотложных текущих задач, но в подготовке выборов Учредительного собрания с тем, чтобы передать в сферу его полномочий осуществление всех назревших политических, социально-экономических и других проблем государственного значения. Провозглашенная 3 марта Декларация Временного правительства положила начало реформационному обновлению государственного и общественного организма.

Известия о падении самодержавия и формировании нового правительства вызвали в стране мощный морально-политический подъем. С особым ликованием граждане приняли провозглашение демократических свобод, амнистию политическим заключенным, отмену смертной казни, роспуск жандармерии и полиции. По этому случаю в не оккупированных германскими войсками городах и местечках Северо-Западного края прошли торжественные мероприятия с участием всех слоев населения и военнослужащих [1, с. 22—25].

Отречение Николая II освобождало всех военнослужащих от принесенной ему присяги, что позволило им с чистой совестью дать клятву на верность Временному правительству. Признание армией правительства явилось определяющим фактором в установлении нового политического режима. Под руководством военного командования происходило создание в губернских, уездных и волостных центрах так называемых «комитетов общественной безопасности» — временных органов власти по поддержанию порядка, которые действовали до лета 1917 г. [1, с. 113]. Также с ведома командования вместо губернаторов и земских начальников высшие должности в губернских и уездных центрах передавались вновь назначенным комиссарам. Чуть позже вместо волостных управ прошло избрание волостных комитетов. Одновременно городские думы и земские собрания стали пополняться так называемым демократическим элементом, т. е. представителями трудящихся, профсоюзов, партий, а также Советов рабочих и солдатских депутатов. Полная демократизация городских органов самоуправления произошла в июле—августе, а земских — в сентябре—октябре 1917 г. [1, с. 126—129].

Временное правительство в числе важнейших мероприятий, необходимых для укрепления строя, сочло необходимым избавить армию от рудиментов царской дисциплины, которая, помимо прочего, унижала достоинство рядовых воинов. Кроме того, опасаясь возможности использования вооруженных сил высшим командованием в контрреволюционных целях, военный министр А. Гучков отстранил от должности многих генералов, в том числе командующих Западным и Северным фронтами. Он же разрешил деятельность в войсках солдатских и офицерских комитетов, создаваемых для разрешения конфликтных ситуаций, улучшения быта и просвещения военнослужащих и т. д. Съезд рабочих и солдатских делегатов Западного фронта, состоявшийся в Минске 7—17 апреля 1917 г., свел все солдатско-офицерские организации под начало Исполнительного комитета (Искомзап). В результате здесь обосновался крупный центр революционной демократии Западного фронта и расположенных в Беларуси

гарнизонов. Завершающим аккордом в деле укрепления армии в целях обороны революции, упрочения демократии и поддержки Временного правительства стал майский приказ военного министра А. Керенского о введении в действие Декларации прав воина-гражданина [1, с. 75].

Революционные перемены в обществе актуализировали земельный вопрос. С учетом того, что основная масса военнослужащих была мобилизована из деревни, от его решения в значительной мере зависело морально-политическое состояние всех вооруженных сил. Поэтому Временное правительство в целях подготовки к аграрной реформе, возложенной на Учредительное собрание, приступило к созданию земельных комитетов. Их важнейшей функцией являлось также предотвращение крестьянских захватных выступлений. Значительную часть этой же работы взяли на себя продовольственные комитеты, созданные для обеспечения «хлебной монополии», и Советы крестьянских депутатов. Летом 1917 г. всем названным структурам, возглавляемым (в своем большинстве) эсерами, удалось пресечь несанкционированный дележ помещичьих угодий и лесов. Белорусские организации не смогли привлечь крестьянство к совместной работе по реализации классовых и национальных интересов, поэтому оно оставалось в русле эсеровской политики.

Для других народов России именно этот аспект (реализация национальных интересов) стал важным направлением деятельности и стимулом в развитии революции. Определяющим для евреев фактором в этом процессе стало осуществление в марте 1917 г. постановлений Временного правительства о ликвидации национального и религиозного неравенства, а также моральная поддержка всего русского общества [1, с. 42]. Одним из первых результатов преодоления порочной политики царизма в отношении евреев стало полное исчезновение публичного антисемитизма. Сам «еврейский вопрос» стал сферой деятельности исключительно еврейской диаспоры. Другое дело, что каждая из еврейских организаций — от сионистов до бундовцев — по-своему оценивала его содержание. Вместе с тем еврейское население, как и все остальное, в составе отдельных организаций или вне их имело возможность влиять на формирование властных структур и участвовать в работе общественно-политических организаций. Высокая общественно-политическая активность евреев позитивно отразилась на составе партий, городских Советов, самоуправлений, профессиональных союзов [2].

Национальное движение поляков за возрождение собственной государственности было поддержано Временным правительством и общественностью всей России [3]. Несмотря на существование в белорусских городах польских социалистических организаций, их влияние на соотечественников не было определяющим. Основная масса поляков при участии костела сплотилась вокруг национальных рад, которые тесно контактировали с Главным польским военным комитетом (Начполь) и в то же время следовали принципу невмешательства в общероссийские дела. В целях создания вооруженных сил будущей Польши на Западном фронте стали формироваться части I Польского корпуса во главе с генералом И. Довбор-Мусницким [4].

В отличие от евреев и поляков, движение белорусов за свои национальные идеалы не получило должной поддержки ни со стороны государства, ни общественности. Благодаря кипучей деятельности революционной демократии, прежнее название белорусских губерний «Северо-Западный край» уступило место «Западной области», но названия «Белоруссия», равно как и «белорусы», не получили распространения. По-прежнему подавляющее большинство сельского населения называло свою национальность в зависимости от вероисповедания (католик — поляк, православный — русский). Члены Белорусской социалистической громады (БСГ), которые восстановили свою деятельность в Минске, Бобруйске и за пределами Беларуси, призвали к сотрудничеству всех соотечественников, заинтересованных в осуществлении национальных лозунгов, в первую очередь в приобретении автономии и белорусской школы. О зрелости национальных лозунгов говорил инициатор создания отдела Партии народной свободы (ПНС) в Минске В. Самойло. Председатель фронтового комитета Всероссийского земского союза В. Вырубов отмечал целесообразность введения в белорусских губерниях областного управления. Но стоило организаторам белорусского съезда поставить в порядок дня вопрос о национальном самоопределении, как он встретил критику со стороны власти (в лице заместителя губернского комиссара И. Метлина) и деятелей революционной демократии (С. Ковалика, М. Фрунзе и др.). Основная причина их недовольства заключалась в том, будто требование съезда лозунга автономии не имеет поддержки широких народных масс; будто это является несвоевременным и вредным для развития революции. В дальнейшем немалые трудности белорусскому движению приносила ошибочная тактика лидеров БСГ, ее неспособность к компромиссам, предпочтение классовых лозунгов в ущерб национальным, увлечение работой в среде беженцев вне Беларуси, внутрипартийная борьба и др. [1, с. 45, 166]. Сильные нападки на белорусские организации имели место со стороны крестьянских Советов, а также Союза белорусской демократии (Гомель) и Белорусского народного союза (Витебск) [1, с. 110—111]. Тем не менее Центральная рада белорусских организаций, руководимая БСГ, не теряла надежд на признание российской общественностью прав белорусов на национальную автономию и продолжала за это бороться.

Новым явлением для городов и местечек Беларуси стало создание и развитие системы общественно-политических объединений трудящихся, народной интеллигенции, а также военнослужащих. Важнейшим стимулом их активности стало стремление поддержать центральную и местную власть, предотвратить вспышки насилия и объединить сознательных граждан против возможных контрреволюционных выступлений. В дальнейшем, рассматривая себя органами революционной демократии, они направляли

свою основную энергию на поддержку политики Петроградского, а с мая—июня 1917 г. исполкомов Всероссийских советов. Несмотря на то, что Советы являлись одним из источников формирования органов власти на местах, они не выказывали претензий на власть. Общность задач, которые стояли перед ними в деле закрепления завоеваний революции, способствовала сближению и объединению их в единые уездные (Бобруйск, Гомель, Мозырь, Орша) и даже губернский (Витебск) Советы. Рабоче-солдатским и крестьянским Советом в своем большинстве удалось сохранить в трудовой массе и среди гарнизонной военных определяющее, по сравнению с другими организациями, влияние. Наибольших успехов в этом достигли лидеры революционной демократии Могилевщины [1, с. 72—93].

Рабочие организации — профсоюзы и фабрично-заводские комитеты (ФЗК), созданные в первую очередь для защиты интересов трудящихся, — хотя прямо и не выдвигали политических требований, но также участвовали в их реализации. Следует отметить, что рабочие стремились отстаивать свои экономические интересы путем компромисса и лишь в крайних случаях использовали забастовки. В целом рабочее движение находилось под контролем его партийных, профессиональных и советских органов [1, с. 81—84].

Существенным завоеванием Февральской революции явилась многопартийная система, в том числе и в белорусских губерниях. В силу прифронтового расположения и особой этносоциальной структуры местного населения роль каждой из партийных организаций была неодинаковой. Так, рабочие и служащие расположенных здесь учреждений по обслуживанию фронта, а также военнослужащие составляли основной источник пополнения социал-демократов (РСДРП), Партии социалистов-революционеров (ПС-Р) и Партии народной свободы (ПНС). Заметную роль в партийной жизни играли также бундовцы, сионисты, социалисты-сионисты, поалейционисты, а также белорусские, польские, латышские и другие социалисты.

На первом этапе развития революции, в марте — первой половине апреля 1917 г., на волне всенародного подъема, сильного идейного противостояния между партийными организациями не наблюдалось. Партийное сотрудничество имело место в РСДРП, местные члены которой долгое время находились в составе объединенных организаций (Минск, Могилев, Витебск, Рогачев). Деятельность большевиков как «партии революционного пролетариата», по существу, проходила в солдатской среде, а их влияние на тот же пролетариат по причине его малочисленности и подконтрольности Бунду было незначительным. Не случайно посылаемые из Минска в Витебск номера газеты «Звезда» в городе не распространялась, а направлялись прямо на Северный фронт. Близкой к РСДРП по формам и содержанию партийной деятельности являлась ПС-Р, которая стремилась объединить трудящихся города и села, а также народную интеллигенцию. Партия эсеров оказывала определяющее влияние на белорусское крестьянство, имела высокий авторитет среди военных (Бобруйск, Могилев, Минск, Орша, Полоцк), а также рабочих (Витебск, Гомель, Мозырь). К осени эсеры прочно закрепились в советах, военных комитетах, думах, земствах, земельных комитетах и в ряде профессиональных союзов. Неизменная преданность Трудовой народно-социалистической партии (ТН-СП) идеям коалиции и оборончества обеспечила им правые позиции в лагере социалистов, но необходимой поддержки со стороны местного населения она не приобрела.

Революционная демократия считала буржуазию во главе с Партией народной свободы (ПНС) своим классовым и идейным антиподом. В то время, когда подавляющая масса населения (из той ее части, кто интересовался политикой) оказалась в русле влияния социалистических идей, направленных на удовлетворение классовых интересов, кадетская программа построения нового общества в интересах каждого и всех на основе верховенства права и обеспечения свобод имела шансы на поддержку в первую очередь части жителей и военнослужащих с прочным чувством гражданственности, имеющих сравнительно высокий уровень интеллектуального развития, весомый общественный статус и значительный объем собственности. Не случайно поэтому партийные отделы кадетов в первую очередь составляли земские и военные чиновники, юристы, налоговые служащие, предприниматели, финансисты, священники, высшее офицерство и др. Даже часть крестьян, в своей массе отрубники и хуторяне, выказывали заинтересованность к кадетской аграрной программе. Но, несмотря на открытость ПНС, пополнение и расширение ее организаций происходило сравнительно медленно, а сама их деятельность сопровождалась острой критикой со стороны революционной демократии. В целом все существовавшие в Беларуси партийные организации (за исключением большевиков) осуществляли курс на закрепление новой политической системы, с тем чтобы с помощью парламента усовершенствовать ее с учетом интересов всех слоев населения. Примечательно и то, что в Беларуси даже в дни корниловщины не оказалось ни одной контрреволюционной организации.

Местные партийные организации в своей практической деятельности почти не затрагивали национального вопроса, ограничиваясь резолюциями с признанием права наций на самоопределение (РСДРП), право наций на самоопределение вплоть до отделения и создания самостоятельного государства (РСДРП б), право национальной автономии в составе федеративной Российской республики (ПС-Р и ТН-СП), за единую Российскую республику (ПНС). Примечательно также, что эта проблема затрагивалась ими в связи с национальным движением украинцев, финнов, татар, но никак не белорусов. Едиными организациями, которые солидаризировались с национальными требованиями последних, были украинские социалисты и деятели польских рад. В целом же присутствие белорусских представителей во властных (комиссариаты, думы, земства), общественно-политических (Советы, общественные комитеты, профсоюзы и др.) организациях значительно уступало представителям польской и еврейской диаспор. Белорусские

организации (БНК, ЦРБА) и партии не пользовались авторитетом ни в правительственных кругах, ни в среде революционной демократии. Как правило, их деятельность происходила изолированно от последней. Несмотря на определенные успехи их отдельных организаций, само движение еще не впитало в себя той массы народа, чтобы можно было преодолеть национальный и политический застой и вместе с другими народами осуществлять право на самоопределение.

В вопросе о форме национального самоопределения белорусов революционная демократия встала на точку зрения о целесообразности объединения территорий их проживания в самоуправляемую область, а не выделения белорусских губерний в национальную автономию во главе с Краёвой радой в составе Российской федеративной республики. Такое сложившееся к октябрю положение вещей было обусловлено господствовавшим в российском обществе представлением о белорусах как западном ответвлении народа русского, а посему якобы не имеющих оснований претендовать на собственную государственность. В отличие от евреев и поляков, которые всемерно использовали установившийся демократический режим в своих национальных интересах, белорусы в этом плане все еще заметно отставали от них. В числе иных причин, тормозивших этот процесс, следует назвать низкий уровень национального и политического развития белорусского крестьянства, классовые предпочтения лидеров БСГ, а также сильную антибелорусскую агитацию со стороны эсеров и большевиков. Определенные сдвиги к лучшему обнаружились только осенью, когда белорусские лозунги были вынесены для обсуждения общероссийской общественности, а также после того, как началось создание фронтовых белорусских организаций.

С обретением демократических прав и свобод все граждане и военнослужащие приобрели реальные возможности формировать органы власти и участвовать в их работе. Известно также, что состав органов Временного правительства на местах в течение своего существования с марта по октябрь 1917 г. не оставался неизменным. По мере политизации общественной жизни их состав значительно расширился за счет представителей партий, Советов, общественных комитетов, национальных и других групп. Причем, роль Советов в этом была если не главной, то очень значительной, о чем свидетельствуют, в частности, факты отстранения по их инициативе витебского и могилевского губернских комиссаров, а также множества уездных. Что касается городских и земских самоуправлений, то уже летом—осенью после перевыборов они превратились в реальные всенародные органы местной власти, где преобладали представители социалистических партий.

Характерными чертами общественно-политической жизни в период с марта по октябрь 1917 г. являлись наличие идейного плюрализма, свобода слова, гласность, открытость в решении спорных вопросов, признание определяющего авторитета Учредительного собрания и т. д. Господство революционной демократии во всех сферах общественно-политической жизни Беларуси не препятствовало деятельности других слоев населения — помещиков, священников, чиновников и др. В то же время заинтересованность крестьян политикой не выходила за пределы аграрной проблемы. Такими же экономическими, но никак не политическими соображениями руководствовались те из них, кто стремился укрепить свое хозяйство за счет помещичьего имущества. Эсеровским руководителям крестьянских Советов едва хватало средств, чтобы удерживать своих братьев по классу от захватных действий. По мере созревания нового урожая, активизации земельных комитетов и под воздействием большевистской агитации эти настроения в деревне все больше усиливались (в основном в среде хозяев с общинной формой землепользования).

С момента прихода Временного правительства к власти его курс на подготовку к Учредительному собранию получил всенародную поддержку, но в силу причин выборы в него откладывались [5]. В этой связи вся ответственность за непрекращавшуюся войну, нерешенные аграрный, продовольственный, рабочий, национальный и другие вопросы не всегда правомерно возлагалась на правительство. В частности, недальновидная политика Временного правительства продолжения войны до заключения демократического мира не достигла цели, а санкционированная ею демократизация вооруженных сил привела к упадку их боеспособности. Армия стала утрачивать те качества, на которые рассчитывала революционная демократия. Так, наделенные свободами и правами рядовых граждан солдаты переставали подчиняться командирам, отдавая предпочтение своим комитетам. В результате командование стало утрачивать контроль над подчиненными, а в армии усилились анархические процессы: невыполнение боевых приказов, братания, дезертирство, насилие в отношении офицеров и т. д. [6]. Мероприятия Временного правительства, направленные на укрепление дисциплины, в том числе и введение смертной казни за воинские преступления, вызывали острые протестные настроения солдат. В армии усилились лозунги свержения правительства. Из опоры ему она стала постепенно превращаться в его противника [7]. Желание воевать за освобождение страны от германской оккупации высказывали только белорусские организации, но формирование ими национальных частей началось только в 20-х числах октября.

Летом эсеры, возглавившие Министерство земледелия и земельные комитеты, форсировали процесс учета и распоряжения государственной и частной собственности, чем в ряде мест вызвали организованный ее захват крестьянами отдельных деревень. В свою очередь и большевики усилили агитационную работу в деревне с призывом конфискации земель до созыва Учредительного собрания. Тем самым социально-экономическая обстановка в стране, в том числе и в Беларуси, еще более ухудшилась.

Проекты Временного правительства по разрешению продовольственной проблемы также оказались под угрозой, причем главным образом по его же вине. Дело в том, что объявленная им «хлебная монополия»

поддерживалась крестьянами до того времени, пока на продукты питания и фураж сохранялась их стабильная стоимость. Но как только правительство повысило на них цены, крестьяне стали придерживать хлеб, картофель, фрукты, сено и другие продукты нового урожая в целях их продажи с максимальной для себя выгодой. Их коммерческие расчеты подкреплялись резким ухудшением централизованного — из хлебных губерний России и Украины — снабжения населения Беларуси и окопников Западного фронта. Характерно также, что рост антивоенных настроений на фронте и в тылу стал отрицательно сказываться на крестьянских объемах поставок продовольствия и фуража интендантским службам. Вместе с тем начавшийся процесс разложения действующей армии сопровождался ростом спроса солдат на алкогольные напитки, производимые крестьянами. Как отмечалось в октябре 1917 г. на совещании работников продовольственных комитетов, Минская губерния «превратилась в один огромный винокуренный завод, снабжающий водкой-самогонкой, главным образом, фронт» [1, с. 172]. Как следствие провала «хлебной монополии» и возросшего дефицита продуктов в Беларуси участились случаи погромов солдатами помещичьих имений.

Объективно усиление антивоенных настроений на фронте и в тылу, угроза голода и обострение внутривластной борьбы в ходе предвыборной кампании в Учредительное собрание способствовали росту авторитета большевистской партии, которая связывала решение всех проблем со свержением Временного правительства и передачей власти Советам. Но основная масса Советов Беларуси, исключая Гомельский, Минский и Речицкий, этого лозунга не разделяла, считая носителями власти демократически избранные городские и земские самоуправления. Таким образом, объективно большевики представляли собой угрозу завоеваниям революции. Не случайно, гомельские и витебские социалисты назвали корниловский мятеж «большевизмом справа» [1, с. 160]. Но парадокс заключался в том, что, с одной стороны, большевистские лидеры не имели реальных шансов получить власть демократическим путем, а с другой — послефевральский режим не создавал им существенных препятствий для достижения своих целей насильственными средствами, через вооруженное восстание. Только в Беларуси и на Западном фронте численность членов и сочувствующих большевистской партии превысила 56 тыс. человек, в своем подавляющем большинстве военнослужащие [8].

Вместе с тем общее осложнение военно-политического и социально-экономического положения в Беларуси никоим образом не свидетельствовало о настроениях ее населения решить все назревшие проблемы путем новой революции. Существовавшая в белорусских губерниях система власти Временного правительства в совокупности с органами самоуправления, Советами, солдатскими комитетами и другими общественными объединениями представляла собой достаточно сильный организм, способный обеспечить поддержку нормальной жизнедеятельности населения и военнослужащих. В сентябре министр-председатель А. Керенский провозгласил установление в бывшей Российской империи республиканского строя и объявил о подготовке к выборам в Учредительное собрание. Состав Временного правительства, его комиссариатов на местах, а также органов местного самоуправления по партийному признаку становился все более социалистическим. Несмотря на частые смены кабинетов Временного правительства, оно оставалось символом победившей революции и ощущало поддержку революционной демократии. Достаточно сказать, что в Беларуси с марта по октябрь 1917 г. не произошло ни одного антиправительственного выступления [9].

В 20-х числах октября 1917 г. сильными дестабилизирующими положение в Беларуси факторами являлись столичные события, связанные с распространением известий о подготовке в Петрограде большевистского переворота. В ряде городов (Бобруйск, Витебск, Гомель, Речица) последнее обстоятельство вызвало серьезное беспокойство у жителей по причине возможных погромов и, как следствие, активность революционной демократии по формированию комитетов общественной безопасности. Белорусские организации, отстраненные от властных и общественно-политических рычагов управления краем, были не в состоянии повлиять на дальнейший ход событий.

Последствия Февральской революции для населения Беларуси, как и всей России, имели позитивный характер. Все граждане, в том числе и военнослужащие, получили равные демократические права, гарантировавшие реализацию их коренных социально-экономических, политических, национальных и других интересов путем осуществления реформ Учредительным собранием. Тому способствовали: всенародная поддержка Временного правительства и его политики, создание местных органов власти и самоуправления, многопартийной системы, Советов, профсоюзов, фабрично-заводских и солдатских комитетов, демократизация армии, численное и идейное господство революционной демократии. Белорусы в числе других узников бывшей «тюрьмы народов» получили возможность развернуть работу по обретению своей государственности. Вместе с тем поступательное развитие революции, долженствовавшей закончиться созывом и деятельностью Учредительного собрания, затормозилось главным образом по причине нерешительной и неадекватной политики Временного правительства (затягивание выборов в Учредительное собрание; чрезмерная демократизация армии, приведшая к резкому упадку ее боеспособности, провалу летнего наступления и дальнейшей большевизации; крах «хлебной монополии» и обострение продовольственной проблемы и др.), а также из-за чрезмерного увлечения общественностью реформистскими преобразованиями общества на фоне подготовки большевиками государственного переворота.

Список цитируемых источников

1. *Сяменчык, М. Я.* Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 — сакавік 1918 г.) : у 2 ч. / М. Я. Сяменчык. — Мінск : БДПУ, 2001. — Ч. I. Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. — 200 с.
2. *Сяменчык, М. Я.* Дэмакратызацыя грамадска-палітычнага жыцця і рэцыдывы антысемітызму на Беларусі (вясна—восень 1917 г.) / М. Я. Сяменчык // Тр. БГТУ. Сер. V. Політологія, філосафія, гісторыя, філалогія. — Мінск, 2004. — Вып. XII. — С. 7—14.
3. *Сяменчык, М. Я.* Нацыянальныя рухі на Беларусі ў кантэксце фарміравання новай палітычнай сістэмы (сакавік—кастрычнік 1917 г.) / М. Я. Сяменчык // Славянскі свет: мінулае і сучаснае : матэрыялы Рэсп. навук. канф., 26 сак. 2004 г. : у 2 ч. — Мінск, 2004. — Ч. I. — С. 226—233.
4. *Сяменчык, М. Я.* Польскія вайсковыя арганізацыі і фарміраванні на Беларусі ў 1917—1918 гг. / М. Я. Сяменчык // Праблемы айчынай і сусветнай гісторыі (да 60-годдзя доктара гістарычных навук, прафесара У. М. Міхнюка) : матэрыялы навук. чытанняў, г. Брэст, 28 вер. 2007 г. ; Брэст. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. — Брэст : Выд-ва БрДУ, 2008. — С. 139—150.
5. *Сяменчык, М. Я.* Рэфармацыйныя і рэвалюцыйныя змены на Беларусі (сакавік—кастрычнік 1917 г.) / М. Я. Сяменчык // Тр. БГТУ. — № 5 (162). Гісторыя. Філосафія. Філалогія. — Мінск, 2012. — С. 41—45.
6. *Сяменчык, М. Я.* Наступальная кампанія рускай арміі 1917 года ў лесе Лютаўскай рэвалюцыі / М. Я. Сяменчык // Тр. БГТУ. — № 5 (143). Філосафія. Гісторыя. Філалогія. Вып. XVIII. — Мінск, 2011. — С. 33—36.
7. *Сяменчык, М. Я.* Аб стане законнасці і правапарадку на Беларусі ў кантэксце рэвалюцыйнага абнаўлення расійскага грамадства ў сакавіку 1917 г. // Тр. БГТУ. Сер. V. Політологія, філосафія, гісторыя, філалогія. — Вып. XVI. — Мінск, 2008. — С. 97-101.
8. *Семенчик, Н. Е.* Деятельность большевиков Беларуси в марте—октябре 1917 г. / Н. Е. Семенчик // Нац. ассоциация ученых (НАУ). — 2014. — № 5. — С. 141—143.
9. *Семенчик, Н. Е.* Становление и крах революционной демократии в Беларуси / Н. Е. Семенчик // Тр. БГТУ. — № 5 (169). Гісторыя. Філосафія. Філалогія. — Мінск, 2015. — С. 21—24.

УДК 316.6

А. А. Селезнёв

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ФАКТОРЫ ДУХОВНОГО ЗДОРОВЬЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ВЫЗОВА ОБРАЗОВАНИЯ

Духовное здоровье общества является интегральным показателем культуры и развития общества, определяется социальными, ценностно-смысловыми установками каждого его индивида на самопознание, самовоспитание и самореализацию, которые опосредованы культурными традициями, образованием, экономическими условиями, социальной политикой государства, определяющими безопасность и эффективную жизнедеятельность каждого индивида и общества в целом [1]. Определение данного понятия отражает необходимость не только выделения психологической, нравственной составляющей из медико-биологического каркаса образных понятий «социальное здоровье», «здоровое общество», но и дополнения понятия «здоровый образ жизни». Традиционно господствующее понимание здоровья как биологического феномена, стандартная оценка эффективности функционирования общества по медико-биологическим, социально-экономическим показателям (рождаемость, смертность, заболеваемость, экономические потери и т. п.) не позволяют оценить уровень социально-психологических, нравственных девиаций, нарушающих правовые и моральные социальные нормы.

Современным вызовом образования являются новые научные направления, определяющие приоритеты здоровьесберегающей, психолого-педагогической и государственной деятельности по сохранению здоровья подрастающего поколения и общества в целом. Социальная психология как наука, изучающая закономерности познания людьми друг друга, их взаимоотношений и взаимовлияний в различных областях жизнедеятельности — хозяйственной, политической, воспитательной, лечебной и других, дополняется новым разделом «социальная психология здоровья», изучающим влияние особенностей взаимоотношений, жизнедеятельности людей на состояние их здоровья. Демографические факторы необходимо оценивать не только с биологических позиций, но и с социально-психологических, выделяя влияние фактора пола, возраста, образования, культуры, религии, принадлежности к этнической группе, социальному классу на индивидуальные копинг-стратегии в объяснении здоровья, гендерные роли; фактора этнической установки — на чувство принадлежности к определенному государству, приверженность его государственной идентичности, национальной идее, государственным символам и др.

В Республике Беларусь для представителей разных наций, культур, религий аспекты образования и веротерпимости, толерантности, национальной идентичности, коллективистской идентификации актуальны в связи с необходимостью выработки всеобщего нравственного закона в целях сохранения и развития духовного здоровья общества.

Развитие личности и общества подчиняется сложным, в том числе психологическим, законам, не поддающимся строгим математическим расчетам, через включение в духовную культуру. И это происходит иначе, чем развитие материальной цивилизации, что подтверждается мировой тенденцией роста насилия в современном мире.